

ОДНА ИСТОРИЯ ЛЮБВИ

ГЕНРИХ ФОЛЬРАТ
ШУМАХЕР

ПОСЛЕДНЯЯ
ЛЮБОВЬ
НЕЛЬСОНА

Одна история любви (Вече)

Генрих Фольрат Шумахер
Последняя любовь Нельсона

«ВЕЧЕ»

1911

УДК 821.112.2-311.6
ББК 84(4 Нем

Шумахер Г.

Последняя любовь Нельсона / Г. Шумахер — «ВЕЧЕ»,
1911 — (Одна история любви (Вече))

ISBN 978-5-4484-5428-8

1793 год. Леди Эмма помогает своему мужу, сэру Уильяму Гамильтону, заботиться об интересах Англии при дворе неаполитанского короля. Сэр Уильям – посол, а его жена, хоть и не занимает никакой официальной должности, участвует во всех политических интригах наравне с мужем. Положение обязывает ее поддерживать фальшивую дружбу с неаполитанской королевой Марией-Каролиной, лгать и притворяться каждый день. Но многое меняется, когда в Неаполь прибывает английский корабль «Агамемнон» под командованием капитана Горацио Нельсона. Эмма проникается чувством к открытому и честному моряку. Она больше не хочет лгать, но изменить привычную жизнь мешают обстоятельства и темное прошлое Эммы, которое постоянно напоминает о себе.

УДК 821.112.2-311.6

ББК 84(4 Нем

ISBN 978-5-4484-5428-8

© Шумахер Г., 1911

© ВЕЧЕ, 1911

Содержание

I	6
II	11
III	16
IV	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Генрих Фольрат Шумахер

Последняя любовь Нельсона

Серия «Одна история любви»

© ООО «Издательство «Вече», 2025

I

Резким поворотом корабль обогнул мыс Мизено. Скользя в Неаполитанский залив на своих белоснежных парусах, он оставлял серебристую полосу в глубокой синеве Тирренского моря, быстро приближаясь к городу.

– Черт знает что случилось с моими глазами! – сердито крикнул посланник при неаполитанском дворе сэр Уильям Гамильтон и побежал с балкона в комнату за подзорной трубой. – Я не могу разглядеть флаг! А что, если это француз?

Эмма, жена сэра Уильяма, на мгновение оторвалась от книги, которую читала.

– Откуда ему взяться? Ты сам говорил, что через Гибралтар не пропускают ни одного корабля французов из Бреста или Гавра¹. А раз Гуд запер их средиземноморский флот в Тулонской гавани, то...

– Но если с ним приключилось несчастье? Самый лучший флотоводец может потерпеть поражение!

– С Фридрихом Великим это случалось не раз, но Пруссия все же не погибла от этого. Так и Англия не исчезнет с лица земли только потому, что один из ее адмиралов потерпел урон! Так не выставляться же из-за этого на солнце! Наверное, это один из новых кораблей Марии-Каролины². К их виду ты должен был привыкнуть: ведь она достаточно часто показывает их тебе!

Сэр Уильям остановился около нее и насмешливо улыбнулся:

– Ты заметила это? Она хочет подчеркнуть чистоту своих союзнических намерений, а ее офицеры мечтают о том, чтобы превратить Неаполь во вторую Венецию. Весь народ только и бредит постройкой кораблей и морским учением. С тех пор как Мария-Каролина возложила на алтарь отечества материнское наследство – бриллианты Марии-Терезии, – государственные чины позволяют расхищать казну, а богачи жертвуют на флот половину своего состояния...

– А бедняки несут последние гроши! Я видела нищего, больного, искалеченного, полумертвого от голода. Когда я проезжала мимо него с Марией-Каролиной, он вырвал из уха тоненькую серебряную серьгу и бросил ей на колени. Он отдал единственное, что имел!

Голос Эммы дрожал. Сэр Уильям кивнул и сказал с глубокой иронией:

– Они взбесились... наполовину из патриотизма, наполовину из ненависти к королеве. Они предпочли бы отдать последний грош, чтобы выкупить ее ожерелье и вернуть ей его. Только чтобы в их кораблях не было ничего от австриячки и чтобы Мария-Каролина не могла похвалиться истинно королевским поступком!

Эмма выпустила книгу из рук и встала. Она усталой походкой прошла по комнате и бросилась в кресло, стоявшее у открытой балконной двери.

– Истинно королевский поступок! – протяжно повторила она. – В этом все дело. Она чванится им и старается, чтобы все узнали: Мария-Каролина продала свое ожерелье и носит поддельные бриллианты, чтобы у Неаполя был линейный корабль!

Сэр Уильям внимательно посмотрел на Эмму:

– Ты говоришь это так... разве это неправда?

– Это правда. И народ верит... как дети в сказку...

– Ничего не понимаю! Это правда и все-таки – сказка?

Губы Эммы дрогнули, ее лицо приняло выражение бесконечной горечи.

– Недавно... помнишь? Она опять побоялась спать одна и удержала меня у себя. Среди ночи ей вдруг пришла мысль разыграть целое театральное представление. Она хотела быть

¹ Брест и Гавр – крупные порты на западном побережье Франции.

² Мария-Каролина Неаполитанская – жена неаполитанского короля Фердинанда IV.

Титом³, а я должна была стать Береникой, которая обольщает его, чтобы стать римской императрицей. Она сама принесла костюмы, стала одевать нас. Я должна была надеть все ее фальшивые драгоценности, но они показались ей недостаточно роскошными для восточной принцессы. Она опять сорвала с меня их, подбежала к шкафу, открыла тайник, достала подлинное ожерелье...

– Ожерелье Марии-Терезии?

– В полной сохранности! Заметив мое удивление, она расхохоталась, назвала всю эту историю сказкой для выманивания денег у больших детей... А тот нищий, который вырвал серьгу из уха, думал, будто королевы не лгут!

Сэр Уильям пожал плечами:

– Что поделаешь? В политике совсем как на войне: все средства дозволены. Между прочим, эта сказка... ею можно было бы отлично воспользоваться в том случае, если бы Мария-Каролина вздумала пойти нам наперекор...

– Вы пригрозите ей разоблачением?

– Это было бы слишком грубо. Она мстительна и никогда не простила бы нам этого. Но мы можем сыграть на руку парижским якобинцам. Со времени казни Людовика XVI и заключения Марии-Антуанетты они видят в Марии-Каролине своего смертельного врага. Из этой сказочки они сочинят очаровательно-ядовитый памфлет, а неаполитанские друзья-патриоты уж постараются, чтобы королева прочла его. Она страстная натура и исповедует, как все женщины, политику темперамента. Она непременно захочет отомстить, а мы окажемся единственными, кто сможет помочь ей в мести. Следовательно, она окончательно отдалась нам в руки. Но самая прелесть в нем... Кто поможет нам в этом? Наши противники-французы, мнящие себя умнейшим народом в мире! Восхитительно, не правда ли? Питт⁴ будет очень потешаться над этим!

Сэр Уильям подсел к письменному столу и взялся за перо. Эмма вскочила:

– Ты хочешь сообщить об этом Питту? Но ведь я единственная, кому Мария-Каролина рассказала об этом...

– Дай только мне сделать дело. Ты останешься совершенно в стороне. Король знает об этой истории?

– Он поручился честью, что будет молчать!

– Своей честью? – Сэр Уильям просто умирал от хохота. – Честью короля-носача! Хочешь держать пари, что я заставлю его проболтаться в какой-нибудь час? Между прочим, идея! Наверное, он выболтал обо всем кардиналу Руффо. Этот интриган косится на нас, англичан, он старается спихнуть нашего Актона⁵ и стать премьер-министром. Если Фердинанд рассказал ему об этом, подозрение о памфлете падет на Руффо, и мы навсегда отделаемся от него, тогда как доверие Марии-Каролины к тебе останется непоколебимым.

– Да, она доверяет мне. Я единственный человек, с которым она совершенно откровенна. Это потому, что она любит меня, считает бескорыстной. А я... я обманываю ее каждым словом, каждой улыбкой...

– Опять раскаяние? – сказал сэр Уильям, нетерпеливо дернув плечами. – Но прошу тебя... ты моя жена, англичанка... твоя обязанность – служить на пользу родине. Кроме того, ты сама сторала жадной помогать мне, играть роль в политике. Именно сокровенное, тайное привлекало тебя. Ты хотела направлять случай, скрываясь, словно богиня за облаками. А теперь, когда случай представился, ты начинаешь призадумываться? И почему? Только

³ Имеется в виду римский император Тит Флавий Веспасиан и иудейская царица Береника.

⁴ Уильям Питт Младший – премьер-министр Великобритании.

⁵ Джон Френсис Эдвард Актон – английский лорд, ставший первым министром при неаполитанском короле Фердинанде IV.

потому, что дело коснулось королей и народов? Не будь смешной, милая моя! Ведь это – мировой турнир ума, тончайшее искусство, какое только бывает. Да, если бы ты была каким-нибудь ничтожеством... Но ведь ты – мастер, художник широкого размаха...

Посланник с улыбкой кивнул Эмме и начал писать. Эмма безмолвно отступила назад. Он был прав: она сама хотела этого – стать леди Гамильтон, чтобы отомстить Гренвиллю, племяннику ее мужа, предмету ее давней любви. Но теперь это в прошлом!

Эмма стала сзади Уильяма и принялась смотреть на его склоненную голову. Она казалась большой и значительной, как обиталище сильного ума, но в свадебную ночь, когда у жадного старца свалился парик...

Прежде Эмме не раз приходилось видеть такие формы черепа. Во времена нищеты и позора, когда Эмма, выброшенная на улицу пресытившимся знатным лордом, существовала, продавая себя, она частенько видела у порочных, погибших мальчишек такие же маленькие, мягкостные черепа с впавшими висками, шишковатыми затылками, тонкими, изогнутыми вверх ушами.

В ту – брачную – ночь она страшно бранила себя за это сравнение высокопоставленного аристократа с ворами и мошенниками. А теперь, после двух лет брака... теперь она узнала его! Сэр Гамильтон умел смотреть в глаза ясным, чистосердечным взором и ласково улыбаться, в то время как его речь была напоена ложью, а мозг лелеял злобные планы. Он умел проливать слезы сочувствия над несчастьем своей жертвы, умел ловко замечать следы... и весь мир превозносил прямоту его характера, доброту его сердца.

Маленький воришка и мошенник...

Но, в то время как правосудие отправляло такие темные личности на виселицу, сэр Уильям стоял на высоте общественного положения. Ему вменялось в заслугу и добродетель то, что у других было пороком и преступлением...

Разве не был он прав, высмеивая нелепость жизни? Эмма сама была доказательством того, что человек, лишенный угрызений совести, может добиться всего. Ведь сэр Гамильтон выкупил ее у собственного племянника – за деньги, словно рабыню... потому что он был богат, тогда как Гренвилль терпел нужду...

Теперь, когда сэр Уильям был гарантирован в обладании Эммой, он без стеснения признался ей во всем. Он смеялся над совершенным торгом, словно над удачной шуткой. Он называл это иронией философа над комедией жизни, на которую смотрел с высоты холодного рассудка.

Его злорадный смешок производил на Эмму впечатление удара хлыстом и лишал ее с трудом обретенного покоя, вливал злобу в ее жилы, вспенивал в мозгу дерзкие мысли. А если она оплатит ему той же монетой, если она обманет его и предаст позору, осквернив ложе? Сможет ли он в качестве героя той самой шутовской комедии жизни остаться настолько философом, чтобы иронически вышучивать собственную одураченность?

Придворные вельможи теперь перед ней на коленях, сам король неаполитанский украдкой ищет ее взора. Она смело может рискнуть... Почему же до сих пор она не сделала этого? Неужели в ней все еще оставались следы порядочности, восстающей против новой лжи? Нет, скорее потому, что будет ложью, если она выкажет любовь какому-либо мужчине: никогда не сможет она любить более, ее сердце мертво.

И все-таки... Было что-то такое, что порою страстной тоской пробуждалось в ее сердце, страстно манило, звало куда-то. Что это было? Что?

«Неаполь, 10 сентября 1793 г.».

Едва сэр Уильям успел обозначить дату своего доклада, как из гавани донесся звук пушечного выстрела. Сейчас же после этого в дверь постучались, и в комнату вошел первый секретарь посольства.

– Извиняюсь, ваше превосходительство, если помешал! Из гавани доложили, что только что замечен «Агамемнон» из тулонской эскадры адмирала Гуда. Одновременно прибыл кабинет-курьер Феррери. Их величества просят ваше превосходительство пожаловать к ним.

Сэр Уильям засмеялся:

– Еще бы! Наверное, они немало перепугались, пока «Агамемнон» не поднял флага! Что, если бы это оказался француз?! Помните встречу девять месяцев тому назад, мистер Кларк? Нет? Ну да ведь вас тогда еще не было здесь!

Посланник со злорадной многоречивостью рассказал секретарю историю, которой неаполитанский двор был унижен в глазах всей Европы. В гавани Неаполя появился с флотом Латуш-Тревиль, французский адмирал, и потребовал признания республики и удовлетворения за оскорбление французского посланника в Стамбуле, которое явилось следствием политики Марии-Каролины. Это требование он передал не через офицера, а через простого гренадера Бельявиля, который третировал неаполитанского короля, словно рекрута. Чтобы избежать обстрела города, Фердинанд был вынужден смиренно извиниться и пригласить офицеров к парадному обеду в знак примирения. Но «республиканцы» отказались от всякого общения с «деспотом Неаполя».

– Гренадер внушил королю безумный страх перед французами, – смеясь, закончил сэр Уильям. – Нет ничего странного, что Фердинанд дрожит перед известиями из Тулона. Передайте Фердинанду, что я сейчас же буду у его величества. Кстати, загляните в регистр, что это за судно «Агамемнон» и кто им командует – у меня будет возможность помочь королю рассеять время нетерпеливого ожидания.

Секретарь открыл актовую книгу, которую держал в руках.

– Я предвидел вопрос вашего превосходительства и захватил с собой регистр. «Агамемнон» – линейный корабль с сорока шестью пушками, находится под командой Нельсона; в начале августа он присоединился к эскадре адмирала Гуда, который совместно с испанцами под командой адмирала Лангара блокирует города Марсель и Тулон.

Эмма сделала резкое движение и перебила секретаря:

– Капитана зовут Нельсон? Горацио Нельсон?

Мистер Кларк снова заглянул в книгу:

– Горацио? Точно так, ваше превосходительство, его зовут Горацио.

– Ты его знаешь? – спросил сэр Уильям.

Эмма сделала равнодушное лицо.

– Нет, но, должно быть, я слыхала когда-то его имя.

– Имеются о нем какие-нибудь подробности в актах, мистер Кларк?

– Очень скудные, ваше превосходительство. Он сын деревенского пастора, двенадцати лет, в 1771 году, поступил на флот, в 1773 году совершил научную поездку в Полярное море и в 1779 году стал почтовым капитаном в Вест-Индии, где завоевал испанский форт Сан-Жуан. В 1780 году он вернулся в Англию, чтобы полечиться от паралича. В 1781 году снова поступил на службу, в 1784 году у него произошел острый конфликт с начальством...

– Ах, помню! – перебил его сэр Уильям. – Он раскрыл хищение на верфях! Очень почтенная личность! Значит, сообщите Феррери мой ответ и приготовьте курьера для Лондона. Быть может, «Агамемнон» привезет такие известия, которые надо будет сейчас же передать нашему министерству! – Он подождал, пока секретарь вышел из комнаты, а затем обратился к Эмме: – Не зашифруешь ли ты Питту сказочки королевы Марии-Каролины?

Она пристально посмотрела на него:

– Ты настаиваешь на этом?

На тонких губах сэра Уильяма скользнула улыбка.

– Разве это не моя обязанность?

Эмма холодно кивнула, села за письменный стол и принялась зашифровывать депешу. Но сэр Уильям все еще не уходил: что-то удерживало его здесь. Эмма знала, что это было, – она знала улыбочку, с которой он поглядывал на нее.

Его присутствие раздражало. Когда же он уйдет? Ей хотелось быть одной, поразмыслить... Ведь Нельсон прибывал!

Невольно у нее вырвался вопрос, который сжигал ее изнутри:

– А капитан «Агамемнона»... я спрашиваю из-за приготовлений... ты примешь его в посольстве?

– Публично? Невозможно! Эти морские волки со своей руганью и манерами старых пьяниц... К тому же этот господин поссорился со всем адмиралтейством из-за своих вест-индских разоблачений. Это человек, мечтающий исправить весь мир и готовый пробиваться головой сквозь стену. От таких лучше держаться подальше! – Сэр Уильям воспользовался ее вопросом, чтобы подойти к ней, и вдруг наклонился с прерывающимся дыханием, сверкающим взглядом. – Тебе так важно, чтобы Питт не узнал ничего о сказочке? Быть может... если бы ты была мила со мной?..

Он схватил ее руку и принялся осыпать страстными поцелуями. Эмма не шелохнулась. Но когда он, осмелев, обнял ее за талию, она вскочила и отстранилась от его уст.

– Я не хочу! Не хочу! – крикнула она, но сейчас же одумалась: ведь она была женой Гамильтона, и уже не раз ей приходилось покупать исполнение какого-нибудь желания ценой своих ласк. Она с трудом улыбнулась. – Прости, я так устала... голова болит... в другой раз...

Она неохотно подставила мужу губы, и в то время как он целовал их, ее руки судорожно сжались в кулаки.

II

Наконец-то он ушел! Эмма взяла подзорную трубу, вышла на балкон и стала смотреть по сторонам. Вот она увидела корабль. Он плавно покачивался на якоре, на палубе его сновали какие-то темные тени, другие скользили по мачтам и реям. На возвышении виднелась одинокая фигура...

Нельсон?! Шляпа отбрасывала тень на его лицо. Эмма не могла разглядеть его, а фигура мужчины ни о чем не говорила ей. Совсем при других обстоятельствах видела она Нельсона двенадцать лет тому назад, когда впервые встретила его...

Она опустила подзорную трубу, закрыла глаза, и, из тьмы минувшего на нее нахлынули воспоминания.

Закутанная с ног до головы в густую фату вошла Эмма в комнату, где в кресле сидел больной Нельсон, разбитый параличом, худой, как скелет, полный гнева на таинственную болезнь, которая оторвала его от войны. Сначала он не обратил внимания на вошедшую, но, когда Эмма взяла его за руки, внезапно закричал, словно ему причинили острую боль. Однако мало-помалу он успокоился и заснул под пассами и поглаживаниями ее рук.

– Видите ли вы меня? – спросила Эмма, горя желанием испытать свою магнетическую власть над ним.

Нельсон сейчас же ответил. Он подробно описал ее лицо, ее фигуру. Он был в восторге от ее красоты, хотя никогда не видел ее прежде и не мог видеть теперь под густой вуалью.

Затем, подчиняясь ее воле, он описал ей свою болезнь, и на основании его показаний доктор Грейем поставил свой безрадостный диагноз: параличное состояние излечимо, но истинная болезнь, причина всему, – эпилепсия, перед которой наука бессильна...

Затем Эмма, глубоко растроганная несчастьем юноши, разбудила его. Открыв глаза, Нельсон улыбнулся Эмме тихой улыбкой, которая придала его лицу своеобразную красоту. Но когда доктор Грейем спросил его, что он испытывал во время сна, он не мог вспомнить ничего.

После этого сеанса Эмме не пришлось вновь увидеть юношу. Его отец, благочестивый священник, был противником новой науки, представителем которой являлся доктор Грейем. Он увез юношу на морские купанья; и снова, как обыкновенно, все, что было дорого Эмме, исчезало из ее жизни навсегда.

Так, по крайней мере, она думала тогда. Но теперь тени прошлого опять всплыли из тьмы. Нельсон приближался...

Громкий крик заставил ее очнуться. От дворца по берегу моря шла большая толпа, провожая королевскую лодку, которая направлялась к «Агамемнону». Под балдахином из желтого шелка сидел король Фердинанд, неуклюжими движениями руки отвечавший на народные приветствия. Около него, немного позади, стоял сэр Уильям в расшитом золотом мундире посланника; он о чем-то говорил Фердинанду.

Нельсон встретил венценосного гостя на нижней ступеньке корабельной лестницы. Последовал краткий разговор. Вдруг Фердинанд простер руки и обнял моряка. Затем он, по-видимому, крикнул что-то британскому посланнику Гамильтону, и тот последовал за ним.

В толпе, заполнившей берег, появилось какое-то движение, переметнулось в город, на улицы. И вдруг до Эммы долетел крик:

– Тулон завоеван, флот якобинцев захвачен! Да здравствует Англия! Да здравствует капитан «Агамемнона», спаситель Италии!

Нельсон повел Фердинанда в сопровождении сэра Уильяма вверх по лестнице. Когда он вступил на «Агамемнон», на главной мачте взвился флаг обеих Сицилий⁶ – прямо под Георгиевским крестом Великобритании. Это было похоже на символ, на счастливый знак для Неаполя. Казалось, что сильный защитил слабейшего!

Орудия «Агамемнона» прогремели королевский салют. Им ответили корабли в гавани, арсенал, крепость, форты. Облака дыма клубами поднялись кверху, повисли над заливом, скрыли небесную лазурь. А тут вступили голоса церквей... Весь Неаполь соединился в тысячеголосый хор, от которого, казалось, содрогнулась земля.

Странное волнение охватило Эмму. Крики народа, гром пушек, звон колоколов заставляли ее вздрагивать мелкой дрожью, вызывали слезы на глазах, словно опьянение овладело ею.

Она видела Нельсона, когда он беспомощно лежал больной, тогда у нее вспыхнуло горячее сочувствие к нему. А теперь... Ах, почему она – женщина! Все триумфы красоты, все восторги искусства, все успехи политики – что значили они в сравнении с этим гимном победе, сотрясающим небо и землю? Быть мужчиной, воином! Быть победителем, перед которым человечество повергается в прах!

Теперь она завидовала Нельсону.

Через час мистер Кларк принес ей записку от сэра Уильяма:

«Милая Эмма! Тулон взят, французский флот захвачен. Подробности лично! «Агамемнон» остается здесь на некоторое время, так как должен переправить в Тулон неаполитанские войска, чтобы защитить город от натиска якобинцев, которыми командуют Робеспьер и какой-то Бонапарт. Поэтому я пригласил мистера Нельсона жить у нас.

В данный момент мы находимся на заседании Государственного совета во дворце. Странное дело! Король-носач не спит, как обычно; Мария-Каролина сияет. Оба они в восторге от маленького капитана, который, если судить по взгляду и голосу, сделан из такого материала, из какого делают великих адмиралов. Он привез мне рекомендательное письмо от принца Вильгельма; кроме того, королева сделала мне достаточно ясный намек, что она желала бы, чтобы капитан Нельсон жил на берегу где-нибудь поблизости. Поэтому я решил взять этого человека отчасти под свою протекцию. Отсюда приглашение. Отведи ему комнату, которую мы держали наготове для принца. Дельный моряк с блестящей будущностью, в конце концов, стоит не меньше, чем беспутный принц, который объявляет о своем прибытии, ввергает бедного посланника в расходы и в конце концов не приезжает.

Мистер Нельсон просит кланяться тебе, хотя вы и не знакомы. Он несколько неуклюж, далеко не Адонис, но в общем производит впечатление приличного человека. С материнской стороны он в родстве с Уолполами. М.-К. делает ему отчаянные авансы, но он держится по отношению к ней с комической робостью. По-видимому, он не знаток женщин.

Значит, приготовь все, я сейчас приведу его с заседания. М.-К. кланяется тебе; она надеется видеть тебя завтра. Сегодня, как она говорит, ты должна выполнить долг хозяйки и выказать себя гостю с прекраснейшей и любезнейшей стороны.

Целую твои ручки и надеюсь еще сегодня вручить им судьбу «сказочки».

Твой Уильям Гамильтон».

Эмма приняла Нельсона в греческой комнате, которая создавала чудный фон ее красоте, словно унаследованной от Древней Эллады. Когда Нельсон увидел молодую женщину, глаза его широко открылись, во взоре отразились изумление, восхищение и еще нечто вроде испуга. Он смущенно пробормотал извинение за то, что решился эксплуатировать ее гостеприимство.

⁶ Королевство обеих Сицилий – официальное название неаполитанского королевства с 1816 года. Здесь автор допускает анахронизм, так как события романа разворачиваются раньше.

Эмма улыбнулась с легкой иронией. Она уже привыкла к этому безмолвному поклонению мужчин, но то обстоятельство, что и Нельсон тоже отдал дань ее красоте, наполнило ее каким-то тайным разочарованием. Почему он не таков, каким она представляла его себе? Почему он такой же, как и прочие?

Усталым жестом она пригласила его занять место, сухо ответила на его извинение и помимо воли взяла тон салонного разговора, который обычно был ей так противен.

– Человек, доставляющий такие добрые вести, не нуждается в извинениях, господин капитан, особенно если в том имеется также и его личная заслуга, – сказала она. – Я сожалею только, что мы не могли предвидеть ваше прибытие, чтобы наломать в своих садах лавровых ветвей для победителя!

– Для победителя? – Нельсон только что сел, но при этих словах снова вскочил, и густая краска залила его лицо, а голос зазвучал с раздражением. – Извините, миледи, но я не знаю, кого именно подразумеваете вы под этим «победителем»!

Сэр Уильям, смеясь, усадил моряка обратно в кресло.

– Это недоразумение, милейший капитан! Моя жена отнюдь не хотела обидеть вас. Ведь она ещё не знает никаких подробностей о тулонских событиях. Разрешите мне сыграть роль посредника и послать вестовое судно к этому хорошенькому, стройному фрегату? Вы увидите, этот фрегат вовсе не настроен враждебно к вам и готов даже на почетных условиях спустить флаг!

Сэр Уильям принялся рассказывать Эмме то, что сообщил Нельсон на заседании Государственного совета о Тулоне.

Разгром умеренных жирондистов Конвентом в лице Дантона и Робеспьера вызвал там восстание. Когда же якобинцы стали угрожать городу грабежом и убийствами, горожане вступили в переговоры с соединенной блокирующей эскадрой англичан и испанцев. Двадцать восьмого августа 1793 года они сдали город и блокированный в гавани флот лорду Гуду и адмиралу Лангара.

– Франция потеряла пятьдесят восемь кораблей! – торжествуя, закончил сэр Уильям. – Это успех, который избавляет нас от двух-трех кровавых битв. Вы качаете головой, капитан?

Нельсон нахмурился:

– Франция потеряла их? Да точно ли она их потеряла? Ведь корабли еще плавают по воде, и Франция может снова отбить их. Но ее счастье будет несчастьем для Англии. По моему мнению, которое я высказывал также и на военном совете, взятые корабли следовало немедленно сжечь. Но Лангара протестовал против этого.

– Еще бы!.. Как испанец! Если Франция исчезнет с моря, то Испания будет бессильна против Англии.

– Но разве Гуд должен был согласиться с ним? – крикнул Нельсон. – Кто становится на чужую точку зрения, тот не может торжествовать над врагами. Брать и уничтожать – вот единственный путь для Англии.

– Вы еще очень молоды, милый капитан, вы мыслите и чувствуете как воин! – ответил сэр Уильям поучительным тоном. – Но государственный человек не может не считаться с общественным мнением, он должен постоянно опираться на призрак права. Знаете ли, что я сделал бы на месте Гуда? Я взял бы на сохранение все пятьдесят восемь кораблей. Только на сохранение! И даже для Людовика XVII. Ведь именно за него, как за сына и наследника Людовика XVI, Англия официально воюет с Республикой. Таким образом, право было бы на нашей стороне. Конечно, как только он взойдет на трон, нам придется вернуть ему корабли. Но тогда мы подыщем какое-нибудь новое право не отдавать их ему. «Брать и уничтожать!» – говорите вы, как солдат. «Брать и удерживать!» – говорю я, как государственный человек. И мне кажется, что мой принцип будет не без пользы для старой Англии. Надеюсь, что Гуд не поспешил с этим делом и отложил окончательное решение до получения инструкций из Лондона?

Нельсон пожал плечами:

– Он уже принял решение, и притом совершенно в вашем духе!

– В самом деле? Значит, у него больше таланта, чем я предполагал.

Эмма молча слушала их разговор. Теперь она медленно встала. Она думала об опьянении величием и славой, которое несколько часов тому назад овладело ею. Она предполагала встретить в Нельсоне героя, победителя...

– И из-за этого-то громыхали пушки и надрывались колокола? – с непреодолимым отвращением воскликнула она. – Из-за этого-то ликует народ? Да здравствует Нельсон, спаситель Италии! Из-за дипломатической уловки! Из-за мошеннической проделки!

Нельсон вскочил, хотел ответить что-то, но сэр Уильям опередил его, сказав жене с обычным подхихикиванием:

– Называй это, как хочешь, детка! Дело не в названии, а в факте, факт же сложился блестящим образом для Англии. Это признал даже Фердинанд, и, когда Нельсон потребовал для Гуда шесть тысяч человек, король не стал ожидать одобрения Марии-Каролины, а по собственной инициативе дал согласие. Он предпочел бы сам отправиться во главе своей лейб-гвардии, чтобы снова завоевать французские корабли – от головы до пят герой и король! Не принимайте всерьез моей жены, мистер Нельсон. Она воображает себе мир несравненно совершеннее, чем он устроен, и ее сердит, когда она видит, что не все на свете идет по образцу красоты и благородства! Дамский романтизм!

Нельсон овладел собой и вежливо поклонился сэру Уильяму.

– Я вполне понимаю ваш принцип, – сказал он, и что-то вроде налета иронии прозвучало в его голосе, – но мне кажется, я понял также и миледи. Не правда ли, миледи, вы предполагаете, что я чувствую себя польщенным одобрительными криками неаполитанцев?

Нельсон повернулся к Эмме и твердо посмотрел ей прямо в глаза. Она вскинула голову и выдержала его взгляд.

– Это так, сэр. Я так думаю!

– Благодарю вас, миледи! Я хотел бы, чтобы у всех английских женщин всегда хватало мужества говорить правду в глаза. Значит, вы считаете меня тщеславным карьеристом, жаждущим славы, независимо от того, заслужена ли эта слава или нет?

Она почувствовала странное наслаждение при мысли о возможности еще глубже обидеть его, еще сильнее рассердить.

– Если вы иначе смотрите на вещи, почему же вы не отказались от ложного ореола? – сказала она. – К чему вы приняли эту осанну черни?

Нельсон отшатнулся, словно от пощечины.

– И у меня тоже имеется немного гордости, хотя я – только простой капитан! Но я явился сюда по служебному делу его величества с приказанием своего адмирала какой бы то ни было ценой раздобыть войска для Тулона. Все зависело от готовности Неаполя. Имел ли я право поколебать веру в наши победы у того народа, который должен был дать нам солдат? Кроме того, приветствия относились не ко мне лично, а к моему флагу – флагу Англии, на победе которой основываются все надежды Италии. Имел ли я право пойти против этого? Да, если бы не верил в эту победу! Но я верю в английский флаг, миледи, как верю в Бога, и в один прекрасный день надеюсь доказать, что сегодня я не был уж так недостоин явиться представителем Георгиевского креста. Быть может, миледи, вам все-таки представится случай наломать для меня в неаполитанских садах лавровых ветвей... или кипарисовых... Это уж как хочет военное счастье!

Он начал говорить резко, сердито, а кончил в легком, почти шутливом тоне. Его взоры не отрывались от Эммы – взоры, из которых сверкало пламя.

Странное чувство пронзило ее. Как он говорил о Боге! Словно человек, который верит... А потом... потом она заметила тайную улыбку сэра Уильяма. Вкрадчивый лжец с состраданием смотрел на честного человека.

– Я верю вам, мистер Нельсон! – тепло сказала она во внезапном порыве. – Прошу у вас прощения за свои подозрения. Вы поняли бы их, если бы жили среди итальянцев. Все здесь шпионят, сплетничают, интригуют. И до чего они тщеславны! Когда говорят, то стараются кричать и оглядываются на все стороны, чтобы их непременно слышали и засыпали похвалами.

Сэр Уильям беспокойно заерзал:

– Художественные натуры должны измеряться особой меркой. В сущности, они должны бы быть тебе симпатичны. Так как ты сама художница, то это родственные тебе натуры.

Эмма кинула на мужа торжествующий взгляд. Она была рада, что смогла уколоть своими словами того, кто за двадцать девять лет посланничества сам превратился в итальянца.

– Конечно, итальянцы родственны нам, женщинам. Они актеры, позеры. Женщины, настоящие хитрые женщины! Но именно этим-то они и несимпатичны нам. Ведь мы тоскуем по нашей противоположности – по свободной силе, на которую мы могли бы взирать снизу вверх. Мы тоскуем по силе, которой мы даже боялись бы немного. Да, мы хотим этого! Мы хотим бояться, если любим! – Эмма кивнула мужу со смехом, очень похожим на его злорадное подхихикивание. – Теперь ты знаешь, почему я боюсь тебя?

Скрывая свою досаду под искусственной веселостью, сэр Уильям взял Эмму за руку и ласково погладил ее, говоря:

– Мечтательница! Разве моя жена не фантазерка, мистер Нельсон?

Эмма знала, что в этот момент она с сэром Уильямом являет картину счастливого, ничем не возмущаемого супружества. Она прочла это во взоре Нельсона. В первый момент встречи разве он не с сострадательным удивлением взглянул на нее? Двадцативосьмилетняя женщина около шестидесятилетнего старца!..

Теперь он уже не будет покачивать головой, не будет считать ее легкой добычей!

III

Наступила короткая пауза, а затем сэр Уильям встал, чтобы показать гостю свои знаменитые помпейские сокровища. Он повел его между выставленными вазами, статуями, урнами, объясняя, рассказывая об обстоятельствах, при которых была найдена каждая вещь, восхваляя практичный ум Эммы, оказывающий ему большую помощь при раскопках в Кампанье.

Затем вошла мать Эммы с лакеем, который принес мороженое и фрукты. Эмма сразу поняла, что старушку угнетает какая-то забота. До сих пор еще бедная женщина не могла привыкнуть к блестящему положению, занятому ее дочерью в качестве жены английского посла и фаворитки неаполитанской королевы, и по самому ничтожному поводу дрожала, опасаясь за это сказочное счастье.

Эмма пошла ей навстречу.

– Что с тобой, мама? – шепотом спросила она. – Что случилось?

– Я должна поговорить с тобой! – шепнула в ответ старушка, кидая робкий взгляд в сторону обоих мужчин. – Только что, когда доставили багаж капитана... тут был матрос... Том Кидд, Эмма! Что, если он выдаст нас?

Эмма почувствовала, как бледнеет.

– Он видел тебя? Ты говорила с ним?

Мать хотела ответить, но тут подошел сэр Уильям и представил ей Нельсона в обычной шуточной манере:

– Мистер Горацио Нельсон, капитан «Агамемнона», герой дня. Миссис Кадоган, мамаша моей Эммы, перл всех хозяек! Смотрите, капитан, постарайтесь подружиться с нею! Она настоящий министр в ведомстве хозяйства!

Нельсон почтительно поклонился, старушка смущенно ответила ему.

– Прошу вас совершенно не считаться со мной, – сказал затем капитан, и ласковая улыбка смягчила строгое выражение его лица. – Я привык к самому простому образу жизни. В скромном церковном домике моего отца нас за стол садили одиннадцать детей. А наши судовые обеды... Если мои офицеры хотят полакомиться чем-нибудь особенным, они испрашивают себе к обеду айриш стью⁷. Это самое простое кушанье на свете, и все-таки корабельный повар не умеет готовить его. Тогда приходится обращаться к Тому Кидду с его оригинальным рецептом.

Миссис Кадоган вздрогнула:

– Том Кидд?

– Мой старший боцман! Он родом с берегов Уэльса на Ирландском море. Наверное, оттуда у него и рецепт. Если этот рецепт интересует вас... он доставит сюда мой багаж...

– Ваш багаж уже доставлен! – сказала Эмма, скрывая беспокойство под легким тоном. – Мама только что сказала мне... Ты говорила с ними, мама?

– Я и сама не видела их, – с трудом сказала женщина. – Винченцо доложил мне о них, я велела пригласить их на стакан вина в людскую, но старший боцман отказался. Им нужно было немедленно вернуться на корабль.

Нельсон рассмеялся:

– Том Кидд, как живой! У него уже давно отвращение к Неаполю. Знаете ли, ведь он хотел уговорить меня отказаться от поручения лорда Гуда! Он очень суеверен, как и все наши моряки. Он пришел ко мне страшно мрачный и почтительно доложил, что видел сон: я потеряю Джосаю, если отправлюсь в Неаполь. Моя жена поручила ему заботу о сыне, а потому его

⁷ Айриш стью – ирландское рагу.

обязанность – предостеречь меня. С тех пор он не спускает с мальчика глаз. Из-за него-то он и вернулся сейчас же на «Агамемнон».

Нельсон был женат, имел сына, а теплота, с которой он об этом говорил, показывала, как привязан он к семье!.. С трудом подавила Эмма мрачное волнение, возникшее в ней.

– Должно быть, ваш старший боцман – очень хороший человек! – сказала она, заставляя себя говорить шутливо. – Боюсь только, что, пригласив вас к себе, мы поставили его перед тяжелой задачей. Или, быть может, я ошибаюсь, предположив, что ваша супруга поручила его заботам не только сына, но также и супруга? Бедняга не может быть одновременно и в палатце Сиесса, и на «Агамемноне»! Что же нам делать? Ах, знаю! Разрешите мне перевезти к нам также и вашего сына, а с ним и brave Тома Кидда, снотолкователя и духовидца, которым вы меня положительно заинтересовали. Никаких возражений, капитан! На суше ваша капитанская власть кончается; здесь капитан – сэр Уильям, а я... я его адмирал! Поэтому присаживайтесь к моему письменному столу и пишите приказ вашему заместителю на «Агамемноне». Подателю сего без возражений, на гнев или милость, с кожей и волосами, должны быть выданы старший боцман Том Кидд и... Джосая зовут его?.. И Джосая Нельсон.

Взяв Нельсона под руку, Эмма повела его к письменному столу. Нельсон повиновался и набросал несколько строк на листке бумаги.

Склонившись над его плечом, Эмма следила за его рукой.

– Низбет? – удивленно прочла она. – Джосая Низбет? Значит, он не ваш сын?

Словно тень проскользнула по открытому лицу Нельсона.

– У меня нет детей. Джосая – сын моей жены от ее первого брака с доктором Низбетом, который молодым умер в Вест-Индии.

Нельсон встал и вручил листок Эмме. Она бросила взгляд на часы, висевшие над письменным столом.

– Теперь три часа. Когда обед, мама? В пять? Отлично! Значит, в моем распоряжении два часа. А тем временем вас займет мой муж, мистер Нельсон.

Сэр Уильям удивленно взглянул на нее:

– Ты хочешь сама...

Весело смеясь, Эмма потрянула длинными локонами.

– Пожалуйста, прошу: не портить мне моих маленьких сюрпризов! До свидания, мистер Нельсон! В пять!

Стоило Эмме предъявить старшему офицеру «Агамемнона» письмо Нельсона, как ей была оказана полная предупредительность. В ответ на просьбу Эммы дать ей возможность поговорить наедине с Томом Киддом старший офицер провел ее в каюту Нельсона и поспешил за старшим боцманом.

Через минуту Том вошел в каюту. Узнав Эмму, он побледнел как смерть. Словно защищаясь, выставил он вперед руки и сделал движение, собираясь убежать, но Эмма быстро очутилась возле Тома и схватила его за руку.

– Разве ты не узнаешь меня, Том?

Он вздрогнул от ее прикосновения, а затем, словно следуя внезапно принятому решению, выпрямился и медленно сказал:

– Было время, когда Том Кидд знал маленькую Эмму Лайон. Он любил ее, она была ему как сестра.

– И я тоже любила тебя, Том Кидд словно не слышал ее ответа. Уставившись взором в пространство, он продолжал:

– Было время также, когда Том Кидд знал мисс Эмму. Она училась в аристократическом пансионе, так как ее мать неожиданно получила наследство. Но когда наследство растаяло в

руках злых людей, она поступила в услужение. Она была мужественна и горда. Только издали осмеливался Том

Кидд взирать на нее.

При этих простых словах Тома перед Эммой вставала вся ее жизнь.

– Я знаю это, Том. Я тоже уважала тебя, потому что ты всегда выказывал мне большую нежность чувств!

– К мисс Эмме пришли двое людей: мистер Ромни, художник, и мисс Келли, погибшая девка. Они напели мисс Эмме, что при своей красоте она может сделать карьеру в Лондоне. Она поверила им и пошла за ними.

Пораженная тайным обвинением, чувствовавшимся в этих словах, Эмма вскинула голову:

– Это случилось вовсе не по той причине, Том! Разве ты не помнишь, как опозорили меня? Вот из-за чего я уехала в Лондон.

– Так думал и Том Кидд. Страх за Эмми заставил его последовать за нею. И настал день, когда она пришла в ужас от окружавшей ее скверны и сбежала от греха...

– И ты дал мне приют у себя. Ты думаешь, я забыла об этом? До сих пор я благодарна тебе.

– Не благодарности ради поступил так Том Кидд. Он любил ее, а она... Он не поставил бы ей в вину, если бы она подарила другому свое сердце. Но она продала свое сердце, продала за богатство... сэру Джону Уоллет-Пайну.

Эмма с ужасом посмотрела на него:

– Да ты с ума сошел, Том? Разве ты не знал, почему я это сделала? Ведь сэр Джон давно домогался моей любви, он насильно завербовал тебя в матросы, а когда ты сбежал, он приказал терзать тебя плетьюми, и, чтобы спасти тебя от наказания, чтобы избавить тебя от службы, я отдалась сэру Джону.

Его губы дрогнули.

– Так думал и Том Кидд. Он хотел освободить Эмми от греховного союза с сэром Джоном и ради этого добровольно сделал то, к чему его никто не принуждал: он присягнул королю на верность! Он думал, что теперь она покинет сэра Джона. Однако она осталась у него, пока сэр Джон сам не выгнал ее. С тех пор она повела жизнь мисс Келли. Она отдавалась каждому, кто хотел ее. Так жила она... Или это неправда?

Он по-прежнему тупо смотрел в пространство, словно в темном углу каюты ему виделся образ девушки, которой принадлежало каждое биение его сердца и которая должна была теперь превратиться в ничто под тяжестью его обвинений.

– Это неправда! – сказала Эмма. – Том... если бы ты знал...

Ее голос замер в неопределенном бормотании.

Он подождал, не закончит ли она своей фразы, а затем начал снова:

– Том Кидд ничего не знал об этом. Моря и страны отделяли его в то время от нее. А когда он снова встретился с ней, для него... она была прежней мисс Эммой, благороднейшим созданием, какое только носила на себе земля. Такой же осталась она в его глазах, когда Том узнал, что его мисс Эмма живет с сэром Чарльзом Гренвиллем. Она любила этого сэра – так говорила она. А Том Кидд думал, что нет выше и священнее жизни ради того, кого любишь.

Горький смех вырвался у Эммы:

– Нет выше и священнее!..

Почему она так долго слушает его? Почему она допускает его быть ее судьей? Ударами плети были его слова и пламенно вспенивали в ее жилах каждую каплю крови. И все-таки – странно! – она не была в состоянии даже рассердиться на Тома. Дрожь неизведанного, почти физического наслаждения пробегала по ее телу...

– Нет выше и священнее! – задыхаясь, повторила она. – Почему же не продолжаешь? Ты остановился на том, что выше и священнее всего на свете, – на любви Эмми Лайон!

– Ну вот... Чего стоила ее любовь, об этом Том Кидд узнал через несколько лет, когда вернулся. Он думал найти ее у человека, которому принадлежало ее сердце, она же... Этот человек был беден, в нужде; его богатый дядя полюбил ее, как отец. Она вызвалась съездить к тому дядюшке, чтобы попросить помощи для возлюбленного. Он, не подозревая ничего дурного, согласился. Но тогда... Эмма сразу успокоилась:

– Тогда?

– Тогда... дядюшка женился на ней. Теперь она стала богатой, стала леди...

– Леди Гамильтон?

– Леди Гамильтон.

– Дочь служанки и дровосека, не так ли? Которую прежде звали Эмма Лайон? Мисс Эмма... Маленькая Эмми...

– Маленькая Эмми...

Том дрожал. Жалобный стон сорвался с его уст.

IV

Эмма подошла к нему, остановилась перед ним так близко, что касалась его платьем.

Только на четыре года был Том старше ее, только тридцать два года было ему, но волнистые темные волосы уже побелели на висках; глубокие борозды пролегали по лбу и щекам; плечи согнулись вперед, словно под гнетом страшной тяжести. А глаза...

– Ты еще ни разу не взглянул на меня, Том! – спокойно, ласково сказала она. – Неужели ты питаешь ко мне такое отвращение? Или ты боишься меня?

Медленно перевел он на нее свои глаза. Точно так же смотрели глаза монаха-аскета в Неаполе, когда Эмме приходилось встречаться с ним. Эти взоры монаха презирали еретику, проклинали греховную красоту женщины, тогда как в глубине зрачков горело бледное пламя тайной страсти.

– Боюсь? – спросил Том Кидд. – Почему боюсь?

– Потому что ты обвинил меня, не спросив, не выслушав! Потому что ты поверил человеку, который оклеветал меня, хотя сам в тысячу раз хуже поступил со мной, чем сэр Джон. Ведь это Гренвилль наговорил тебе все это, не правда ли?

Том твердо выдержал ее взгляд, как бы желая проникнуть в самую глубь ее души.

– Я пошел к нему, осведомился о вас...

– И когда ты не нашел меня у него, ты потребовал от него отчета. Тогда он испугался тебя и оговорил меня.

– Он плакал...

– Да, он умеет проливать слезы по заказу. Он научился этому от своего дядюшки! А ты поверил ему!.. Конечно, он был беден, был в нужде. Все его надежды были возложены на сэра Уильяма. Тот полюбил меня. Как отец? Но разве отец нападает в безудержной страсти на ничего не подозревающую девушку?

Глаза Тома широко открылись.

– В соседней комнате сидел Гренвилль и подслушивал. Когда мне удалось отбиться от старика, они постарались замять дело. Это была лишь проба моей верности... Я любила Гренвилля, верила ему. Я настолько была доверчива, что последовала его просьбе и отправилась к дядюшке просить помощи для Гренвилля. Ты понимаешь новый план? В Неаполе я была чужой, беспомощной, единственной моей защитой мог быть английский посланник. Английский посланник – сэр Уильям! Когда он стал приставать ко мне с любезностями, я написала об этом Гренвиллю. В ряде писем я молила о спасении. Наконец пришел ответ. Не хочешь ли взглянуть на него?

Эмма достала из-под платья листок бумаги и подала его Тому. Он быстро схватил листок и прочел:

«Отдайся сэру Уильяму. Гренвилль».

– Четыре слова! Теперь я поняла все! После того как я отдамся сэру Уильяму, Гренвилль должен стать его наследником. – Эмма рассмеялась. – Но теперь, теперь его наследницей стала я! Потому что теперь и я стала скверной, научилась рассчитывать. Он овладел мною лишь после того, как я стала перед алтарем леди Гамильтон... стала леди! Ты не радуешься, Том? Не желаешь мне счастья? Или ты мне не веришь? Так осуди меня! Сломай надо мною жезл⁸.

Последние фразы Эмма крикнула Тому дрожащими устами, с пылающим взглядом. Он стоял, смертельно бледный, не говоря ни слова, лишь смотрел на нее...

Но когда она хотела отвернуться от него, он упал ниц перед ней, стал целовать подол платья, разразившись рыданиями.

⁸ В военном суде это символизирует приговор к смертной казни.

Она посмотрела на его поникшую голову, на вздрагивающие плечи.

– Том! Мой верный Том!

Вдруг и она склонилась к нему, обняла его, заплакала вместе с ним... заплакала о счастье маленькой Эмми!..

Эмма медленно поднялась с пола.

– Надо идти, Том. Капитан Нельсон ждет сына! – сказала она и, заметив, как Том испугался, передала ему письмо Нельсона. – Он хочет этого, Том!

– Он хочет этого? Несмотря на все, что я ему говорил?

– Ах да! Твой сон! Он рассказывал об этом. В чем было дело, Том? Не можешь ли ты мне сказать?

– Сказать!.. – Мрачная тень скользнула по лицу матроса. – Дело было на море, в бурю. По мосту шел капитан Нельсон, рядом с ним – какая-то женщина, позади них – Джосая. Вдруг мальчик кинулся на отца, поднял на него руку. Нельсон обернулся... Застрелил он его, что ли?.. Джосая упал с резким криком, исчез в прибое... Но его отец пошел далее, даже не оглянулся на сына. Без помощи оставил он его тонуть, гибнуть.

– А женщина?

– Ее лицо было закрыто фатой, но ее фигура... Когда-то я видел картину...

– Она была похожа на картину, Том? На Цирцею, которую нарисовал с меня Ромни?

Он с выражением отчаяния опустил голову и ответил:

– Да, на нее!

Эмма резко рассмеялась:

– Странные у тебя сны! Знаешь ли ты, кто была Цирцея? Красавица волшебница, превращавшая всех мужчин в свиней – из-за безумной любви к ней. Значит, Нельсон полюбит меня, а я полюблю его? Это именно подсказывает тебе сон, не так ли? Я погубила, испортила всех людей, которые слишком близко подходили ко мне! Нравственного принца Уэльского, порядочного сэра Джона, сильного Ромни, честного Гренвилля, порядочного сэра Уильяма и вдобавок еще мечтательного Тома Кидда. Мне нужно было, чтобы ты последовал за мною в Лондон, и я уверила, будто люблю тебя. Но ты стал мне в тягость, и я уговорила сэра Джона завербовать тебя насильно в матросы. Я хотела порадоваться видом твоей крови и заставила бить тебя плетьюми. Я...

– Мисс Эмма! – с отчаянием крикнул Том. – Перестаньте! Перестаньте!

– А что? Ведь ты дал Гренвиллю убедить себя в справедливости всего этого, потом стал думать и думать об этом, а в заключение это стало даже сниться тебе. Но твой сон правдив, я же – лгунья. Ах, Том, твои сны... и твой Нельсон... Ведь у него имеется жена, с которой он вполне счастлив. С какой стати он влюбится в меня? Или он так испорчен, что ты боишься за него?

– Он верен и чист!

– Значит, ты боишься, что я влюблюсь в него? Леди Гамильтон – в судового капитана? Да, если бы он был богат! Ведь это самое главное для меня, не правда ли? Право, Том, если бы я не помнила, что мы вместе выросли, что когда-то ты был моим другом... Но к чему столько слов? Ступай, приведи сына Нельсона! Нам нужно спешить!

– Нам? Не значит ли это, что я могу остаться при Джосае?

– Да, капитан Нельсон сказал, что ты поклялся его жене следить за молодым человеком...

– Я клялся быть возле него в опасности и нужде! И потому... да, я должен отправиться вместе. Не бойтесь, что я встану вам поперек пути. Я знаю, между Томом Киддом и мисс Эммой отношения совершенно изменились.

– Во всяком случае, Том, никто не должен знать, что мы были знакомы прежде. Положение сэра Уильяма...

Она покраснела, запнувшись под его долгим, пытливым взглядом.

– Да, из-за этого вы и приехали сюда, на корабль. Вы боялись меня. И все-таки во все это время Том Кидд не сказал ни одного худого слова о маленькой Эмми. Даже после разговора с Гренвиллем я не делал этого! И капитан Нель знает о вас только одно хорошее!

Она вздрогнула, впилась в него взглядом:

– Капитан Нель?

– Так называем капитана Нельсона мы, матросы! «Наш Нель, – говорим мы, – храбр как лев и кроток как агнец!»

– И ты ему сказал... все?

– Он заставил меня. Это было шесть лет тому назад. Мы пришли на «Борее» из Вест-Индии, встали на якорь в Портсмуте. В Вест-Индии Нель здорово отделал тех, кто незаконно обогащался на поставках, и все лорды адмиралтейства были на него злы. Они хотели оскорбить его, затравить, пока он не уйдет со службы. Они послали в Портсмут на его корабль с ревизией адмирала, с которым Нель был на ножах, и именно одного из тех матросских живодепов, которых так ненавидит Нель, – сэра Джона.

– Том! – вскрикнула Эмма.

– Сэр Джона Уоллет-Пайна. Он явился с высокомерной рожей, принялся шнырять по всему судну, везде находил недостатки, но высказывал свое недовольство в таких выражениях, что Нель никак не мог придраться к нему. Наконец он подошел к нам, матросам. Увидев меня, он смутился, нашел многое не в порядке, затем спросил, как меня зовут. Я промолчал, за меня ответил Нель. Сэр Джон посмотрел на меня недобрый взглядом и уронил перчатку. «Подними, боцман!» – сказал он. Я не двинулся с места. Он повторил свое приказание три раза. Я закусил губу и посмотрел ему прямо в глаза. Он обнажил саблю, занес ее над моей головой...

– Том!

– Он из тех, кто считает матроса не выше зверя!.. Впоследствии, при допросе, мне сказали, будто я отобрал и сломал его саблю. Только в самый последний момент удалось вырвать сэра Джона из моих рук... Ну да! Было много недовольных на судах, в воздухе пахло бунтом. Меня захотели наказать в пример другим и приговорили к смертной казни. Нель был единственным, кто был против казни, но голоса других пересилили. Так рассказывала мне потом барыня, жена Неля.

Он замолчал. Его лицо просветлело, и, глядя на письменный стол, он, подчиняясь внутреннему порыву, молитвенно сложил руки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.